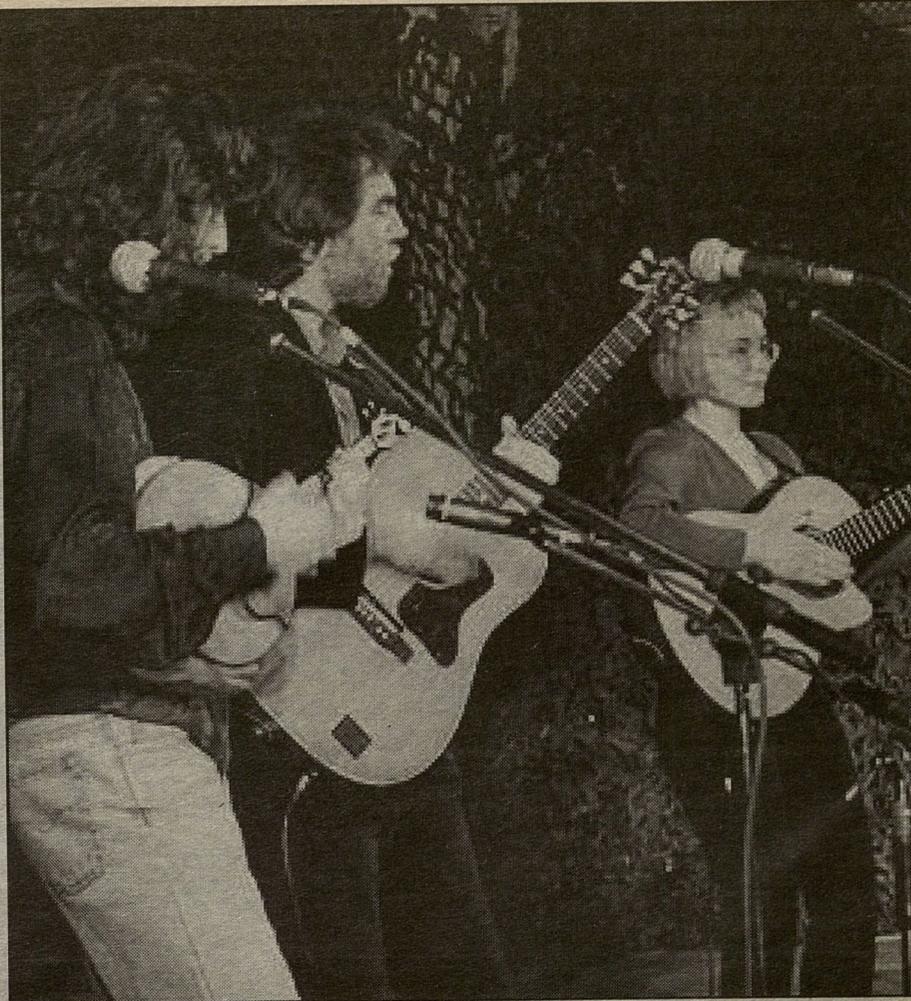

Дмитрий БЫКОВ

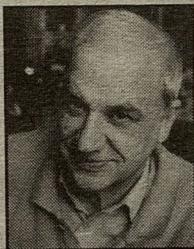
К составлению своей антологии «Авторская песня» (Екатеринбург, «У-Фактория», 2002) Дмитрий Сухарев подошел не как поэт, а как ученый. Да он и есть ученый, биохимик, доктор наук, известный коллегам под фамилией Сахаров. Именно в этой своей ипостаси он и составлял сборник бардовской лирики: вкус поэта Сухарева, резонно рассудил он, есть частное дело поэта Сухарева. Тогда как ученый Сахаров ставил перед собой совершенно иную задачу — не просто собрать известные или нравящиеся ему песенки, но попытаться выяснить, почему они поются.

Вот почему в сухаревскую антологию попало такое количество стихов, песнями изначально не являвшихся: тут и Пушкин, и Денис Давыдов, и Блок, и Кушнер с Бродским (недолюбимые КСП), и Арсений Тарковский, и сам Сухарев, музыки сроду не сочинявший. Составителя интересует тот самый секрет, о котором много думал Окуджава: ведь и он, как известно, одни свои песни исполнял охотно, а другие — как «Мой почтальон» или «Вилковские фантазии» — спел один-два раза да и убрал из репертуара. Окуджава полагал, что самая красивая песня мертва, если нет в ней какой-то важнейшей составляющей, определить которую он затрундился: «Возьмите фольклор. Там выживает только то, что поется: остальное — забывают». Сухарев собрал не то, что хорошо написано, а то, что поется. Поющие стихи есть у каждого большого поэта, композиторы их безошибочно находят, — однако, боюсь, при всей вдумчивости и основательности составительского подхода тайна осталась тайной. Что и к лучшему, возможно.

Лучше всего поются легкие, общедоступные, пошловатые песенки на грани общих мест? — ничего подобного, вон из всего Кушнера чаще всего кладут на музыку как раз поздние его стихи, да и «Письма римскому другу» Бродского на музыку Мирзаяна поют чаще, чем сравнительно простые и ранние романсы из «Шествия» на музыку Клячкина, даром что у Клячкина музыка изобретательней и порезвей. Лучше всего поются короткие стихи? — да ничего подобного, из всего Щербакова наиболее популярны как раз длиннейшие и труднейшие его сочинения вроде «Предположим, герой». Как ни труден Галич — а петь его хочется; как ни проста

ТАЙНА АЛХИМИКА СУХАРЕВА

Дмитрий СУХАРЕВ: В потерпевшей поражении, униженной стране самый жестокий урон несут сегодня русская речь и отечественная литература. Много ли нашего у нас осталось, если даже дикторам телевидения неведомы слова и интонации родного языка? Авторская песня помогает выжить — она вся насквозь наша.

попса — а подпевать ее не тянет, хочется только, чтобы скорей отвязалась. Так что искать, вероятно, надо в другой области — и не в жанровой, и не в содержательной, а в более тонкой. Между тем открытие этого секрета сулило бы исследователю небывалый успех — это же своего рода философский камень, способ производить сплошные хиты! Ни один из мастеров жанра — ни Вертинский (условно к ним причисляемый), ни Окуджава, ни Ким, ни Городницкий, ни Новелла Матвеева, ни Щербаков или Долина — не могут похвастаться сплошными стопроцентными попаданиями: в разных настроениях вспоминаешь и поешь разные их песенки, но есть такие, которые не запоминаются — и все тут.

Несмотря на то, что Сухарев снабдил антологию остроумным и точным комментарием, несмотря на обильно цитируемый КСПшный фольклор и попытку вполне научного анализа самого феномена авторской песни, — после выхода антологии мы не

приближаемся к разгадке. Собран материал — думать над ним предстоит читателю. И предварительный его анализ позволяет мне как давнему потребителю и ценителю жанра догадаться вот о чем: дело не в жанрах, объемах, ритмах и прочем. Дело в плотности текста, в определенном соотношении объема и содержания. Текст не должен быть ни слишком густ, ни слишком разрежен, — а ровно настолько плотен, чтобы в нем оставалось место для домысла, для композиторского и исполнительского соучастия. Вот тогда споется.

Большинство поющих стихотворений Окуджавы загадочны, смутны, непрописаны, слово в них не равно себе. Он знает много больше, чем говорит, — за одной его строкой «А летом лучше, чем зимой» стоит трехлетний опыт пехотинца. У Кушнера есть отличные и, казалось бы, совсем песенные стихи, — но поется лучше всего «Я к ночным облакам за окном присмотрюсь», где сказано много, много меньше, не-

жели автор хотел и мог бы сказать о смерти. Новелла Матвеева вообще ни о чем не рассказывает прямо — и вот почему ее превосходная песня «Поэты» редко поется: она все-таки декларативна, тогда как в «Летучем голландце» или «Капитанах без усов» угаданного больше, чем сказанного.

На музыку ложится то, что оставляет простор для интерпретации; поется то, что допускает разное прочтение. Сухаревская «Бричмулла», классическое стихотворение-песня, потому так и легло на душу Сергея Никитина (а впоследствии на его же замечательную мелодию), что есть в нем некая спасительная амбивалентность: это и мучительная тоска по недостижимому, и довольно едкая насмешка над собой. «Поэтическая речь есть скрещенный процесс» — эта формула Мандельштама универсальна: без скрещения, без двух противоположных эмоций стихи еще возможны (хотя плосковаты), а песня никак не получается. Стихи должны говорить об одном, мелодия — чуть о другом, но в стихах должна быть возможность для этого «чуть», для поворота винта.

Разумеется, у меня есть претензии к этой антологии — к любой антологии претензии возникают неизбежно, потому что какую бы научную задачу автор себе ни ставил, а вкусу своему тоже потрафлял. Положим, я иначе отобрал бы тексты Слепаковой, Горбовского, Новеллы Матвеевой, включил бы кое-кого из рок-бардов, ни при каких обстоятельствах не включил бы щербаковские «Эти глаза напротив» (мало ли у него песен классом выше), непременно включил бы Певзнера (не понимаю, как Сухарев без него обошелся), не представляю Ланцберга без «Зеленого поезда». Но хорошо и то, что Сухарев включил далеко не только хиты — В. Васильев представлен не «Маршем», а лучшей и менее известной песней о предке, отлично отобраны песни Ивасей и Митяева. В общем, если захотеть — придаться можно. Но я не хочу.

Я хочу от души поблагодарить Дмитрия Сухарева за то, что он первым собрал под одной обложкой тексты Пушкина, Блока, Багрицкого, Морица, Окуджавы, Евтушенко, Долиной, Суханова, Берестова и свои. Вывел авторскую песню из резервации и включил в широкий контекст. И заставил меня крепко задуматься над тем, почему все отобранные им тексты я запоминаю с первого раза. ■

Вер. канд. - 2009 - 18 мая - с. 18

Сухарев Дмитрий

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ

ПЕСНЯ О КОНЯХ

Песня о конях — единственная, которая была написана прямо в разгар съемок. Она стала главной песней Бумбараша, а долго ее не было, и она возникла совершенно не как главная песня этого фильма. А попросил ее сочинить Юра Смирнов, таганский актер, который играл бандита Гаврилу. Он подошел к нам с Дашкевичем и говорит: «Ребята! Мой герой очень какой-то однобокий. Бандит бандитом, жлоб жлобом. А мне хо-

чется, чтобы это был человек со своей судьбой. Что-то вроде Григория Мелихова. Напишите для него хотя бы песню, потому что в тексте роли никакого Мелихова нет. Один грабёж и уголовщина». Ну замечательный заказ художника художнику. Мы сели с Дашкевичем, очень быстро сочинили песню. Очень быстро ее выучил съемочный коллектив, который стал каждый вечер ее распевать, как говорится, под рюмку чаю над притихшим Днепром. Больше

всего старался Валерий Золотухин, который играл Бумбараша. Он старался-старался, распевал эту песню, да и говорит: «Конечно, это песня моего героя!» Так Гаврила остался жлоб жлобом, а Бумбараш получил, как говорится, дополнительную краску.

Юлий КИМ, с концертной фонограммы

КАК ВПЕРВЫЕ

Начало 70-х. Москва, Институт органической химии, в

котором в то время трудился Сергей Никитин и Александр Дулов (последний работает там и по сей день). С успехом идет поэтический вечер Евгения Евтушенко. Когда он закончился, уговорили поэта поехать с компанией бардов домой к Александру Дулову неподалеку, — чтобы Евтушенко послушал песни Дулова на свои стихи (в то время другие барды еще не добрались до его творчества). Кроме хозяина квартиры и винов-

ника торжества с невестой-англичанкой, были Виктор Берковский, Татьяна и Сергей Никитины, коллеги из ИОХА (всего человек двадцать).

Евтушенко внимательно слушал песни. Особенно ему понравилась «Коррида», — это видно было по тому как он сопереживает, внимая музыке. Дослушав, поэт с чувством произнес:

— Ге-ни-альные стихи!
Из коллекции Владимира ЛАНЦБЕРГА

18.7.02